

Дело «Молла Сали (Molla Sali) против Греции»¹

(Жалоба № 20452/14)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

(справедливая компенсация)

г. Страсбург, 18 июня 2020 г.

По делу «Молла Сали против Греции» Европейский Суд по правам человека, рассматривая дело Большой Палатой в составе:

Роберта Спано, *Председателя Большой Палаты Суда,*

Линос-Александра Сицилианоса,

Пауля Лемменса,

Леди Бианку,

Анны Юджовской,

Кристины Пардалос,

Юлии Лаффранк,

Алеша Пейхала,

Эгидиуса Куриса,

Бранко Лубарды,

Карла Ранзони,

Мартиньша Митса,

Армена Арутюняна,

Алёны Полачковой,

Паулиине Коскело,

Тима Эйке,

Раффаэле Сабато, *судей,*

а также при участии Йохана Каллеварта, *заместителя Секретаря Большой Палаты Суда,*

рассмотрев дело в закрытых заседаниях 13 февраля и 30 апреля 2020 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 20452/14), поданной против Греческой Республики в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии

со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданкой Греции Чатитзе Молла Сали (*Chatitze Molla Sali*) (далее – заявительница) 5 марта 2014 г.

2. Интересы заявительницы в Европейском Суде представляли адвокаты И. Ктистакис (*Y. Ktistakis*) и К. Цицеликис (*K. Tsitselikis*), практикующие в городах Афины и Салоники соответственно. Власти Греции были представлены делегатами от Уполномоченного Греции при Европейском Суде К. Георгиадисом (*K. Georghiadis*) и В. Пелеку (*V. Pelekou*), советниками Государственного совета по правовым вопросам Греции, а также помощником советника Государственного совета по правовым вопросам Греции А. Магриппи (*A. Magrippi*) и директором юридического департамента Министерства иностранных дел М. Телалиан (*M. Telalian*).

3. Дело касалось применения судами Греции священного исламского права (закона шариата) к спору о наследстве между гражданами Греции, принадлежащими к мусульманскому меньшинству, несмотря на волю наследодателя (умершего супруга заявительницы – гражданина Греции, принадлежащего к мусульманскому меньшинству), который завещал всё свое имущество супруге, составив завещание в соответствии с гражданским законодательством Греции. Суды Греции признали это завещание недействительным, постановив, что к делу должно было применяться исламское наследственное право, которое действовало в отношении граждан Греции исламского вероисповедания. Заявительница, которая была лишена трех четвертей завещанного ей имущества, утверждала, что она подверглась дискриминации по признаку религии, поскольку если бы ее супруг не исповедовал ислам, она бы унаследовала его имущество в полном объеме.

4. В Постановлении от 19 декабря 2018 г.³ (далее – основное Постановление) Европейский Суд установил нарушение статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Европейский Суд постановил, в частности, что различие в обращении, которому подверглась заявительница в качестве наследницы по завещанию, оформленному в соответствии с Гражданским кодексом Греции завещателем исламского вероисповедания, по сравнению с наследником по завещанию, составленному согласно Гражданскому кодексу Греции завещателем неисламского вероисповедания, не имело объективных и обоснованных причин.

5. Поскольку Гражданский процессуальный кодекс Греции не предусматривал возобновление производства в судах Греции в случае установления Европейским Судом нарушения Конвенции по

¹ Перевод с английского языка И.В. Артамоновой.

² Настоящее Постановление вступило в силу 18 июня 2020 г. в соответствии с положениями пункта 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

³ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2019. № 3 (*примеч. редактора*).

такому спору, как рассматриваемый в настоящем деле, заявительница в соответствии со статьей 41 Конвенции требовала выплаты справедливой компенсации материального ущерба и морального вреда, которые, по ее мнению, были ей причинены в результате выявленных нарушений по настоящему делу, а также возмещения расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательства в Европейском Суде.

6. Поскольку вопрос о применении статьи 41 Конвенции не был готов к рассмотрению, Европейский Суд отложил его рассмотрение и предложил властям Греции и заявительнице в течение 12 месяцев представить письменные комментарии по данному вопросу и, в частности, уведомить Европейский Суд о возможном достижении мирового соглашения (см. § 166 и пункт 4 резолютивной части основного Постановления).

7. Поскольку стороны не смогли достичь соглашения, заявительница представила свои замечания 19 апреля и 28 мая 2019 г., а власти Греции – 18 апреля и 28 мая 2019 г.

8. Состав Большой Палаты Европейского Суда был определен в соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правилом 24 Регламента Европейского Суда.

РАЗВИТИЕ СОБЫТИЙ ПОСЛЕ ВЫНЕСЕНИЯ ОСНОВНОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

9. 13 февраля 2019 г. по запросу Государственного совета по правовым вопросам Греции, а также в целях рассмотрения дела в Европейском Суде налоговая инспекция г. Комотины (*Komotini*) составила документ, отражающий следующую стоимость имущества, завещанного заявительнице ее умершим супругом:

(а) 50% доли в собственности на квартиру с парковочным местом и подвальным помещением (зарегистрированы под №№ 420170469058/2/8, 420170469058/3/4 и 420170469058/2/22) стоимостью 34 067,08 евро;

(б) 25% доли в собственности на земельный участок (зарегистрированный под № 420170460019/0/0) площадью 24,45 кв. м, на котором в настоящее время расположен магазин, стоимостью 15 337,41 евро;

(с) 33,3% доли в собственности на земельный участок сельскохозяйственного назначения (зарегистрированный под № 420173428146/0/0) стоимостью 5 400 евро;

(д) 75% доли в собственности на магазин, расположенный на участке площадью 31,30 кв. м в г. Комотины (зарегистрирован под № 420170494076) стоимостью 12 777,45 евро (это имущество было впоследствии изъято).

10. После вынесения Кассационным судом Греции постановления от 6 апреля 2017 г. сестры умершего супруга заявительницы обратились в суд первой инстанции нома¹ Родопы (*Rodopi*) 19 апреля 2017 г. Они требовали внесения исправлений в земельный кадастр в целях признания их совладелицами имущества наследодателя, зарегистрированного под №№ 420170469058/2/8, 420170469058/3/4, 420170469058/2/22, 420170460019/0/0 и 420173428146/0/0. Решением от 20 ноября 2018 г. № 114/2018 суд первой инстанции признал право собственности двух сестер на каждый из видов имущества, зарегистрированных под №№ 420170469058/2/8, 420170469058/3/4 и 420170469058/2/22 в размере доли 18,75%, зарегистрированное под № 420170460019/0/0 в размере доли 9,375% и зарегистрированное под № 420173428146/0/0 в размере доли 12,5%. Суд первой инстанции также распорядился внести изменения в сведения о регистрации рассматриваемого имущества в земельном кадастре в соответствии с условиями постановления. Наконец, суд первой инстанции решил, что заявительница по-прежнему владеет одной четвертой частью завещанного ей имущества и обязана заново зарегистрировать право на свою долю в земельном кадастре.

11. 24 декабря 2018 г. заявительница обжаловала указанное решение во Фракийском апелляционном суде. Ссылаясь, во-первых, на основное Постановление Европейского Суда, она утверждала, что сестры ее умершего супруга более не могли зарегистрировать свои наследственные права в земельном кадастре в соответствии с законами шариата. Во-вторых, она ссылалась на статью 281 Гражданского кодекса Греции (злоупотребление правом), отмечая, что сестры ее умершего супруга ранее приняли наследство их отца в соответствии с Гражданским кодексом Греции, создав тем самым у заявительницы правомерное ожидание того, что они не будут пытаться применить законы шариата к наследству их брата в ущерб ей.

12. 23 октября 2019 г. Фракийский апелляционный суд вынес постановление № 281/2019.

Со ссылкой на свое предыдущее окончательное постановление от 15 декабря 2015 г. № 183/2015 Фракийский апелляционный суд отметил, что в указанном постановлении, имеющем силу *res judicata*, которым он был связан, было установлено, что к имуществу умершего лица применялись законы шариата. В соответствии с законами шариата доли наследников, участвовавших в споре, в наследственном имуществе составили 6/24 для

¹ Но́мы (префектуры) – упраздненные с 1 января 2011 г. административные единицы второго уровня Греции. В результате реформ но́мы стали периферийными подразделениями в составе периферий (административных регионов). Границы периферийных подразделений в основном, но не всегда совпадают с границами номов (*примеч. редактора*).

заявительницы и 9/24 для каждой из двух сестер, признанных совместными собственницами. Фракийский апелляционный суд также отметил, что записи в земельном кадастре о том, что заявительница владела 100% долей в имуществе, зарегистрированном под №№ 420170469058/2/22, 420170469058/2/8 и 420170469058/3/4, 25% долей в собственности на имущество, зарегистрированное под № 420170460019/0/0, и 33,33% долей в собственности на имущество, зарегистрированное под № 420173428146/0/0, были неверными. Фракийский апелляционный суд постановил, что указанные записи в земельном кадастре нарушали имущественные права сестер умершего лица и должны были быть исправлены. Он признал долю сестер в размере 18,75% в собственности на каждое из видов имущества, зарегистрированных под №№ 420170469058/2/22, 420170469058/2/8 и 420170469058/3/4, в размере 9,375% – на имущество, зарегистрированное под № 420170460019/0/0, и в размере 12,5% – на имущество, зарегистрированное под № 420173428146/0/0.

20 декабря 2019 г. заявительница обжаловала вышеуказанное постановление по вопросам права.

13. На дату вынесения настоящего Постановления производство по делу еще не было завершено.

14. Записи в земельном кадастре г. Комотини еще не были исправлены на основании решений, вынесенных судом первой инстанции 20 ноября 2018 г. и Фракийскими апелляционным судом 23 октября 2019 г., в целях признания сестер умершего супруга заявительницы сособственницами имущества завещателя. Соответствующие записи могут быть исправлены только при наличии окончательного решения, вынесенного в пользу сестер умершего лица. В земельном кадастре был указан только иск, поданный сестрами умершего супруга заявительницы.

15. Земельный участок, зарегистрированный под № 420170494076, не был включен в иск, поданный сестрами умершего супруга заявительницы. Таким образом, право собственности заявительницы на данный участок не оспаривалось. Кроме того, как признала заявительница, данное имущество было изъято, и ей была положена выплата компенсации в связи с этим.

16. Что касается производства в Турции, заявительница обратилась в Суд по гражданским делам первой инстанции района Бакыркёй (*Bakırköy*) с требованием применения завещания к имуществу, находящемуся в Турции. Одновременно с этим сестры умершего лица подали иск о признании завещания недействительным по причине его несоответствия законодательству Турции. 18 января 2018 года Суд по гражданским делам первой инстанции района Бакыркёй вынес решение, согласно которому отсутствует необходимость рассматривать иск

сестер умершего супруга заявительницы, поскольку завещание последнего будет признано недействительным в соответствии с принципами международного частного права, установленными в Гражданском кодексе Турции (вследствие противоречия публичной политике Турции). Суд по гражданским делам первой инстанции района Бакыркёй пришел к выводу, что постановление Кассационного суда Греции является окончательным и в соответствии с международным частным правом Турции обязательным для суда, поэтому отсутствует необходимость пересматривать дело. Как заявительница, так и сестры ее умершего супруга обжаловали данное постановление в Апелляционном суде г. Стамбула. В настоящее время их жалобы находятся на рассмотрении.

ПРАВО

17. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

I. ДОВОДЫ СТОРОН

A. ДОВОДЫ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ ОТ 19 АПРЕЛЯ И 28 МАЯ 2019 г.

1. Материальный ущерб

18. Заявительница отмечала, что ее супруг завещал ей всё свое движимое и недвижимое имущество. Однако завещание имело последствия в двух государствах, Греции и Турции, поскольку в рассматриваемый период недвижимое имущество умершего включало четыре объекта в Греции (в настоящее время три, а именно из одной третьей части земельного участка сельскохозяйственного назначения площадью 2 000 кв. м, одной второй части квартиры площадью 127 кв. м с парковочным местом и подвальным помещением, из одной четвертой части магазина в г. Комотини площадью 24 кв. м (см. выше § 9)), а также из четырех объектов в Турции.

19. Заявительница утверждала, что Гражданский кодекс Греции не предусматривает возобновления производства в судах Греции после установления факта нарушения Конвенции Европейским Судом. Кроме того, она указывала, что в Турции у нее отсутствовали эффективные средства правовой защиты для оспаривания постановления Суда по гражданским делам первой инстанции района

Бакыркёй от 18 января 2018 г., согласно которому постановления Кассационного суда Греции являются окончательными и имеют обязательную силу для судов Турции и что, следовательно, не требовался пересмотр дела. Следовательно, постановления Кассационного суда Греции послужили единственной правовой основой для лишения заявительницы ее имущества в Турции.

20. С учетом обстоятельств настоящего дела заявительница считала, что восстановление права на рассматриваемое имущество будет являться единственной приемлемой формой компенсации за допущенное нарушение Конвенции. Такое восстановление прав могло бы быть обеспечено, если бы Европейский Суд вынес распоряжение об исправлении записи о регистрации унаследованного имущества в земельном кадастре на имена сестер ее умершего супруга.

21. В отсутствие *restitutio in integrum* заявительница просила Европейский Суд присудить ей компенсацию в размере 44 103 евро, что соответствовало трем четвертым частям стоимости рассматриваемых трех объектов недвижимости в Греции (зарегистрированных под №№ 420170469058/2/8, 420170469058/3/4, 420170469058/2/22, 420170460019/0/0 и 420173428146/0/0), а также компенсацию в размере 936 912,50 евро в отношении четырех объектов недвижимости в Турции (указанная сумма была основана на экспертных заключениях, представленных заявительницей в Турции).

2. Моральный вред

22. Заявительница требовала выплатить ей 30 000 евро в качестве компенсации морального вреда. Она утверждала, что подверглась чрезмерному стрессу из-за гласности, связанной с производством по ее делу в судах Греции и в Европейском Суде, а также вследствие ее изображения в глазах общественности в качестве пожилой вдовы мусульманина, решившей бороться с применением законов шариата в Греции.

3. Судебные расходы и издержки

23. Заявительница требовала выплатить ей 5 828,33 евро в качестве компенсации расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательств в судах Греции и в Европейском Суде, из которых 2 401,05 евро составляли расходы на юридическое представительство в судах Греции, 1 364 евро – стоимость услуг адвоката И. Ктистакиса за представительство интересов в Европейском Суде, 1 100 евро – стоимость услуг адвоката К. Цицеликиса за представительство интересов в Европейском Суде и 963,28 евро – стоимость расходов, связанных с проведением слушания в Большой Палате Европейского Суда.

В. ДОВОДЫ ВЛАСТЕЙ ГРЕЦИИ ОТ 18 АПРЕЛЯ И 28 МАЯ 2019 г. (ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ ДО ВЫНЕСЕНИЯ ФРАКИЙСКИМ АПЕЛЛЯЦИОННЫМ СУДОМ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОТ 23 ОКТЯБРЯ 2019 г. № 281/2019)

1. Материальный ущерб

(а) Имущество, находящееся в Греции

24. На момент представления своих замечаний власти Греции в первую очередь утверждали, что оценка материального ущерба, причиненного заявительнице, была преждевременной, неопределенной и гипотетической. Регистрация имущества, завещанного заявительнице, в земельном кадастре еще не была исправлена, как того требовали сестры ее умершего супруга, поскольку апелляционная жалоба заявительницы на постановление суда первой инстанции, вынесенное в пользу сестер завещателя, еще не была рассмотрена Фракийским апелляционным судом. Фактически регистрация соответствующего имущества на имя заявительницы (в отношении доли, унаследованной от ее супруга) может быть изменена только на основании окончательного решения в соответствии с положениями статьи 7 Закона № 2664/1998. Таким образом, согласно земельному кадастру заявительница на настоящий момент времени является единственной владелицей указанной унаследованной доли.

25. Кроме того, власти Греции подчеркивали, что основное Постановление Европейского Суда было доведено до сведения Фракийского апелляционного суда. Очевидно, что невозможно было предвидеть решение последнего указанного суда, но, если он удовлетворит апелляционную жалобу заявительницы, то регистрация не будет исправлена, и правовой статус заявительницы как бенефициара по завещанию ее супруга останется неизменным. Если, напротив, Фракийский апелляционный суд отклонит апелляционную жалобу заявительницы, она сможет подать апелляцию по вопросам права. Кроме того, заявительница также сможет подать иск о возмещении ущерба против сестер своего умершего супруга в соответствии со статьей 904 Гражданского кодекса Греции (необоснованное обогащение) или иск о возмещении ущерба против органов государственной власти в соответствии со статьей 105 Вводного закона к Гражданскому кодексу Греции (обязанность государства возместить любой ущерб, причиненный незаконными действиями или бездействием его органов при осуществлении публичных полномочий).

26. Власти Греции пояснили, что, принимая наследственное имущество супруга на основании нотариально заверенного акта и регистрируя унаследованное имущество в земельном кадастре г. Комотины, заявительница приняла имущество, завещанное ей супругом, которое он ранее заде-

кларировал в налоговых органах. Данное имущество включало в себя:

(а) 50% доли в совместной собственности на квартиру (зарегистрированы под №№ 420170469058/2/8, 420170469058/3/4 и 420170469058/2/22) стоимостью 34 067,08 евро, остальные 50% доли уже принадлежали заявительнице на основании приобретения;

(b) 25% доли в совместной собственности на земельный участок (зарегистрированный под № 420170460019/0/0) площадью 24,45 кв. м, на котором в настоящее время расположен магазин, стоимостью 15 337,41 евро;

(с) 33,3% доли в собственности на земельный участок сельскохозяйственного назначения (зарегистрированный под № 420173428146/0/0) стоимостью 5 400 евро, оставшаяся часть которого уже принадлежала сестрам наследодателя;

(d) 75% доли в совместной собственности на земельный участок (зарегистрирован под № 420170494076) стоимостью 12 777,45 евро, оставшиеся 25% доли принадлежали сестре и матери заявительницы. Власти Греции отметили, что данное имущество не было включено в состав объектов, право собственности на которые оспаривалось сестрами наследодателя в иске, который они подали 19 апреля 2017 г.

27. Наконец, власти Греции отмечали, что заявительница не подала налоговую декларацию в отношении 25% доли в собственности на имущество, которое она унаследовала, и не выплатила имущественный налог на него.

(b) Имущество, находящееся в Турции

28. Власти Греции утверждали, что любое требование, предъявленное заявительницей в отношении имущества, находящегося в Турции, было неприемлемым, необоснованным, неопределенным и не поддающимся оценке. Они подчеркнули, что это имущество находится за пределами юрисдикции судов Греции. Оно не было предметом разбирательства в судах Греции на каком-либо этапе производства по делу и не является предметом жалобы, рассматриваемой Европейским Судом. Вопрос о данном имуществе еще рассматривается в судах Турции, и, следовательно, вопрос о наследственных правах заявительницы в Турции был преждевременным в такой ситуации. Кроме того, заявительница не установила право собственности на это имущество или его правовой статус с момента смерти ее супруга до настоящего времени.

29. Власти Греции также отмечали, что заявительница не предприняла необходимые усилия для обеспечения признания и исполнения завещания ее супруга в Турции до того, как оно было признано недействительным Кассационным судом Греции, и не установила, что, даже если предположить, что завещание было бы действительным в Греции, оно

также было бы действительным в Турции для целей его исполнения, особенно с учетом того, что применимым правом являлось право Турции. Если бы Кассационный суд Греции не признал завещание недействительным, то суды Турции рассмотрели бы вопрос о том, противоречило ли завещание публичной политике Турции по иным основаниям.

2. Моральный вред

30. Власти Греции считали, что требование заявительницы по данному основанию было неопределенным, чрезмерным и необоснованным с учетом обстоятельств дела, то есть его сложности, возраста и социально-экономического положения заявительницы, а также экономической ситуации в Греции.

3. Судебные расходы и издержки

31. Власти Греции утверждали, что заявительница не обосновала свое требование или не представила каких-либо подтверждающих его доказательств. Она предоставила четыре счета на оплату юридических услуг, но они были выставлены на имя адвоката, который не представлял ее интересы в Европейском Суде. Кроме того, два из четырех счетов относились к ее апелляционной жалобе по вопросам права от 8 февраля 2016 г. и к слушаниям в Кассационном суде Греции, то есть к действиям и событиям, которые имели место после подачи жалобы в Европейский Суд и которые выходили за пределы ее предмета. Наконец, власти Греции утверждали, что требуемая заявительницей сумма была чрезмерной.

II. МНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

A. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

32. Европейский Суд напоминает о своей устоявшейся прецедентной практике, согласно которой решение о признании нарушения налагает на власти государства-ответчика юридическое обязательство прекратить нарушение и устранить его последствия таким образом, чтобы восстановить, насколько это возможно, ситуацию, существовавшую до нарушения (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Курич и другие против Словении» (*Kurić and Others v. Slovenia*) (справедливая компенсация), жалоба № 26828/06, § 79, *ECtHR* 2014). Договаривающиеся Государства, которые являются сторонами в деле по общему правилу вправе свободно выбирать средства исполнения постановления, в котором Европейский Суд установил нарушение Конвенции. Данное усмотрение в отношении способа исполнения постановления отражает свободу выбора, связанную

с основным обязательством Договаривающихся Государств в соответствии с Конвенцией обеспечивать гарантированные права и свободы (статья 1 Конвенции). Если характер нарушения позволяет осуществить *restitutio in integrum*, то это должны сделать власти государства-ответчика, поскольку сам Европейский Суд не имеет ни полномочий, ни практической возможности для этого. Если, с другой стороны, законодательство государства-ответчика не предусматривает устранение последствий нарушения или допускает возможность лишь частичного устранения таких последствий, то статья 41 Конвенции предоставляет Европейскому Суду право присудить потерпевшей стороне такую компенсацию, которая представляется ему надлежащей (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Брумăреску против Румынии» (*Brumărescu v. Romania*) (справедливая компенсация), жалоба № 28342/95, § 20, *ECHR* 2001-I, и Постановление Европейского Суда по делу «Гуизо-Галлизай против Италии» (*Guiso-Gallisay v. Italy*) (справедливая компенсация) от 22 декабря 2009 г., жалоба № 58858/00, § 90). Европейский Суд обладает определенными пределами усмотрения в осуществлении данного полномочия, как следует из прилагательного «справедливый» и из выражения «в случае необходимости» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Комингерсол С.А.” против Португалии» (*Comingersoll S.A. v. Portugal*), жалоба № 35382/97, § 29, *ECHR* 2000-IV). В указанных целях Европейский Суд может принимать во внимание нормы права справедливости (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Вистиньш и Перепёлкин против Латвии» (*Vistiņš and Perepjolkins v. Latvia*) (справедливая компенсация) от 25 марта 2014 г., жалоба № 71243/01, § 36, *ECHR* 2014, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бывший Король Греции и другие против Греции» (*Former King of Greece and Others v. Greece*) (справедливая компенсация) от 28 ноября 2002 г., жалоба № 25701/94, § 79, Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Эс Си Гранитул С.А.” против Румынии» (*S.C. Granitul S.A. v. Romania*) (справедливая компенсация) от 24 апреля 2012 г., жалоба № 22022/03, § 15, и Постановление Европейского Суда по делу «Крывенький против Украины» (*Kryvenkyi v. Ukraine*) от 16 февраля 2017 г., жалоба № 43768/07, § 52).

33. Европейский Суд также напоминает об отсутствии прямого положения о материальном ущербе или моральном вреде. В Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Варнава и другие против Турции» (*Varnava and Others v. Turkey*), жалоба № 16064/90 и восемь других жалоб¹, § 224,

ECHR 2009, и в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Республика Кипр против Турции» (*Cyprus v. Turkey*) (справедливая компенсация), жалоба № 25781/94, § 56, *ECHR* 2014, Европейский Суд подтвердил следующие принципы, которые постепенно развивались в его прецедентной практике. Ситуации, когда заявителю была причинена очевидная травма, будь то физическая или психологическая, либо он испытал боль и страдания, мучение, беспокойство, разочарование, чувства несправедливости или унижения, при затянувшейся неопределенности, разрушении жизни или реальной утраты возможности, следует отличать от тех, когда публичное подтверждение правонарушения в отношении заявителя в постановлении, имеющем обязательную силу для государства – участника Конвенции, само по себе является надлежащей формой возмещения. В некоторых случаях, когда законодательство, процедура или практика не соответствуют конвенционным стандартам, этого достаточно, чтобы исправить положение. В других ситуациях последствия нарушения могут рассматриваться как имеющие характер и степень, которые настолько сильно повлияли на психическое состояние заявителя, что могут потребовать принятия более действенных мер. Такие элементы не поддаются явному расчету или точной количественной оценке. Роль Европейского Суда также не аналогична роли внутригосударственного деликтного механизма в суде при распределении вины и компенсационных убытков между сторонами в гражданском споре. Руководящим принципом Европейского Суда является справедливость, которая предполагает гибкость и объективное рассмотрение вопроса о том, что является справедливым и разумным при всех обстоятельствах дела, включая не только ситуацию заявителя, но и общий контекст, в котором имело место нарушение. Компенсация морального вреда служит признанию того факта, что он был причинен в результате нарушения основных прав человека, и отражает в самом широком смысле тяжесть ущерба (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саргсян против Азербайджана» (*Sargsyan v. Azerbaijan*) (справедливая компенсация) от 12 декабря 2017 г., жалоба № 40167/06², § 39).

В. ПРИМЕНЕНИЕ ВЫШЕИЗЛОЖЕННЫХ ПРИНЦИПОВ В НАСТОЯЩЕМ ДЕЛЕ

1. Материальный ущерб

34. Европейский Суд напоминает, что в своем основном Постановлении он установил нарушение статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции по следующим

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2020. № 3 (примеч. редактора).

² См.: там же. 2018. № 5 (примеч. редактора).

основаниям: в то время как супруг заявительницы решил в своем завещании, удостоверенном нотариусом согласно гражданскому законодательству Греции, завещать всё свое имущество заявительнице, Кассационный суд Греции счел, что в данном случае подлежало применению исламское наследственное право. В результате заявительница была лишена преимуществ, возникших у нее на основании завещания, составленного ее супругом, а именно права на три четвертых части завещанного ей имущества.

35. Европейский Суд также отметил, что в своих требованиях в соответствии со статьей 41 Конвенции заявительница требовала выплаты компенсации ущерба, понесенного в отношении имущества ее супруга, находившегося как в Греции, так и в Турции.

(а) Имущество, находящееся в Греции

36. Европейский Суд отмечает, что согласно документам, предоставленным земельным кадастром, завещание супруга заявительницы распространялось на такое имущество, как:

(а) квартира, парковочное место и подвальное помещение (зарегистрированные под №№ 420170469058/2/8, 420170469058/3/4 и 420170469058/2/22) стоимостью 34 067,08 евро, которые на 50% принадлежали супругу заявительницы, а на оставшиеся 50% заявительнице;

(б) земельный участок (зарегистрированный под № 420170460019/0/0) и расположенный на нем магазин площадью 24,45 кв. м стоимостью 15 337,41 евро, который на 25% принадлежал супругу заявительницы, на 18,75% первой и второй сестрам умершего соответственно и на 25% еще одному неустановленному лицу;

(с) земельный участок сельскохозяйственного назначения (зарегистрированный под № 420173428146/0/0) стоимостью 5 400 евро, который на 33,33% принадлежал супругу заявительницы, на 33,33% первой и второй сестрам умершего соответственно;

(д) 75% доли в собственности на земельный участок (зарегистрирован под № 420170494076) стоимостью 12 777,45 евро, оставшиеся 25% доли принадлежали сестре и матери заявительницы. Указанный земельный участок впоследствии был изъят, и сестры завещателя не оспаривали право собственности на него в иске, который они подали 19 апреля 2017 г.

37. Европейский Суд также отмечает, что после того, как Кассационный суд Греции вынес постановление от 6 апреля 2017 г., сестры умершего супруга заявительницы 19 апреля 2017 г. обратились в суд первой инстанции нома Родопы с требованием внесения исправлений в земельный кадастр в целях признания их сособственниками имущества завещателя. В решении от 20 ноября 2018 г. суд первой

инстанции признал обеих сестер сособственниками и распорядился внести изменения в регистрацию собственности в кадастре в соответствии с условиями постановления. Наконец, суд первой инстанции пришел к выводу, что заявительница по-прежнему владела одной четвертой частью завещанного ей имущества и была обязана заново зарегистрировать право на свою долю в земельном кадастре. 24 декабря 2018 г. заявительница обжаловала указанное решение во Фракийском апелляционном суде, который 23 октября 2019 г. оставил это решение в силе. Он сослался на свое предыдущее окончательное постановление № 183/2015 и отметил, что в указанном постановлении, имеющем силу *res judicata*, которым он был связан, было установлено, что к имуществу умершего лица применялись законы шариата. 20 декабря 2019 г. заявительница обжаловала вышеуказанное постановление Фракийского апелляционного суда по вопросам права.

38. По мнению Европейского Суда, хотя производство в Кассационном суде Греции еще продолжается, отсутствует необходимость ожидать результатов этого производства до вынесения постановления Европейским Судом. В связи с этим он напоминает о своей прецедентной практике, согласно которой в соответствии со статьей 41 Конвенции он может продолжать применять указанную статью, если законодательство государства-ответчика «допускает возможность лишь частичного устранения» последствий установленного нарушения. Если потерпевший после тщетного исчерпания внутрисудовых средств правовой защиты до подачи жалобы в Европейский Суд на нарушение его прав был вынужден сделать это во второй раз, чтобы иметь возможность получить справедливую компенсацию от Европейского Суда, то общая продолжительность процедуры, установленной Конвенцией, едва ли будет соответствовать задаче эффективной защиты прав человека. Такое требование приведет к ситуации, несовместимой с целью и предметом Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии» (*De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium*) (статья 50 Конвенции) от 10 марта 1972 г., § 16, Series A, № 14, и Постановление Европейского Суда по делу «Барбера, Мессеге и Хабардо против Испании» (*Barberà, Messegue and Jabardo v. Spain*) (статья 50 Конвенции) от 13 июля 1994 г., § 17, Series A, № 285-C).

39. По мнению заявительницы, наиболее эффективным средством возмещения ущерба за нарушение Конвенции и Протокола № 1 к ней было бы указание Европейского Суда о *restitutio in integrum*, что в настоящем деле означало бы исправление в ее пользу сведений о регистрации завещанного имущества в земельном кадастре.

40. По информации, предоставленной сторонами, в земельный кадастр еще не были внесены изменения в соответствии с решением суда первой

инстанции от 20 ноября 2018 г. и постановлением Фракийского апелляционного суда от 23 октября 2019 г. в целях признания сестер умершего супруга заявительницы сособственницами имущества завещателя. Соответствующие записи не могут быть исправлены без вынесения окончательного решения в пользу сестер умершего наследодателя. Только в этом случае они могут быть признаны сособственницами имущества завещателя.

41. Европейский Суд, во-первых, отмечает, что последствия нарушения Конвенции, которые он установил в своем основном Постановлении, еще не стали ощутимыми. Во-вторых, он напоминает, что по общему правилу его задача не состоит в том, чтобы точно определять, каким образом государство-ответчик должно положить конец нарушению Конвенции и устранить его последствия.

42. Тем не менее очевидно, что восстановление «положения, максимально близкого к тому, которое бы существовало, если бы рассматриваемое нарушение не было допущено» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Папамихалопулос и другие против Греции» (Paramichalopoulos and Others v. Greece) (статья 50 Конвенции) от 31 октября 1995 г., § 38, Series A, № 330-B, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Вистињш и Перепёлкин против Латвии» (Vistiņš and Perepjolkins v. Latvia) (справедливая компенсация), § 33, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Чирагов и другие против Армении» (Chiragov and Others v. Armenia) (справедливая компенсация) от 12 декабря 2017 г., жалоба № 13216/05¹, § 59, ECHR 2017), будет состоять в принятии мер, гарантирующих сохранение за заявительницей права собственности на имущество, находящееся в Греции и завещанное ей супругом, или в случае внесения изменений в земельный кадастр, обеспечивающих восстановление ее имущественных прав.

43. По мнению Европейского Суда, если власти Греции не примут указанные меры в течение одного года после вынесения настоящего Постановления, они должны будут выплатить заявительнице компенсацию с учетом стоимости завещанного ей имущества пропорционально доли, которой она была лишена на основании законов шариата.

44. Общая стоимость данного имущества, составляющая 54 804,49 евро, была указана властями Греции налоговой инспекцией г. Комотины, и заявительница согласилась с данной суммой в своих замечаниях.

45. Учитывая, что исходя из постановления Кассационного суда Греции о применении к оспариваемому имуществу законов шариата заявительница была лишена трех четвертей такого

имущества (оставаясь собственницей одной четверти), она имеет право на компенсацию, соответствующую трем четвертям стоимости данного имущества, то есть в размере 41 103,36 евро, если власти Греции не примут указанные выше меры в течение установленного срока.

46. Вместе с тем у заявительницы не может возникнуть право на двойную компенсацию или на необоснованное обогащение на основании постановления Европейского Суда. Следовательно, если результаты производства по делу, которое в настоящее время проводится в Греции, будут соответствовать основному Постановлению, она должна будет вернуть соответствующую сумму властям Греции, если они к этому времени произведут ей выплаты.

(b) Имущество, находящееся в Турции

47. Европейский Суд отмечает, что жалоба, послужившая основанием для вынесения основного Постановления, была подана исключительно против Греции. Вопрос о последствиях завещания умершего в той степени, в которой они затрагивают имущество в Турции, является предметом производства, по-прежнему находящегося на рассмотрении в судах Турции. Вмешательство судов Турции в наследственный спор между заявительницей и сестрами завещателя было обусловлено как иском, поданным заявительницей в Суд по гражданским делам первой инстанции района Бакыркёй в попытке применить завещание к имуществу, расположенному в Турции, так и ходатайством сестер завещателя о признании завещания недействительным на основании его несовместимости с законодательством Турции (см. выше § 16, а также § 88 основного Постановления). 18 января 2018 г. суд первой инстанции решил, что с учетом постановлений судов Греции суды Турции не были обязаны пересматривать дело. Апелляции, поданные как заявительницей, так и сестрами завещателя против указанного постановления, в настоящее время находятся на рассмотрении Апелляционного суда г. Стамбула.

48. В связи с этим Европейский Суд не усматривает какие-либо особые обстоятельства, которые могли бы считаться равносильными осуществлению Грецией своей юрисдикции в отношении разбирательств, происходящих в Турции.

49. Также следует отметить, что, хотя умерший супруг заявительницы составил завещание в общих выражениях, не делая различия между объектами недвижимости, находящимися в Турции и Греции, нотариально заверенный акт заявительницы о принятии завещания относится только к имуществу умершего в Греции и описывает только это имущество (см. § 10 основного Постановления²).

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 5 (примеч. редактора).

² Так в тексте. По-видимому, допущена техническая ошибка, так как в § 10 основного Постановления данный текст отсутствует (примеч. редактора).

50. В любом случае, как отмечает Европейский Суд, даже если заявительница считала имущество, находящееся в Турции, частью «наследства», которого она была лишена, то Европейский Суд, признав применимой статью 1 Протокола № 1 к Конвенции, в § 130 основного Постановления прямо указал на то, что «заявительница зарегистрировала переход прав на недвижимое имущество в кадастровой палате г. Комотины, оплатив соответствующие государственные пошлины». Это относится только к имуществу, находящемуся в Греции. Только на данном основании Европейский Суд в своем основном Постановлении продолжил рассматривать вопрос о нарушении статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Таким образом, Европейский Суд в своем основном Постановлении не высказал какой-либо позиции по существу относительно предполагаемых прав заявительницы по статье 1 Протокола № 1 к Конвенции в отношении имущества, находящегося в Турции. Следовательно, это имущество не может служить основанием для предъявления каких-либо требований о справедливой компенсации в отношении властей государства-ответчика в настоящем отложенном производстве по статье 41 Конвенции.

51. Кроме того, Европейский Суд напоминает, что в соответствии со статьей 46 Конвенции любое постановление Европейского Суда является обязательным только для государств-участников, участвовавших в судебном разбирательстве, в связи с которым оно было принято. В настоящем деле Турция не являлась таким государством в отношении основного Постановления. При этом ничто не препятствует судам Турции принимать во внимание основное Постановление при вынесении решения.

52. Европейский Суд также отмечает, что заявительница в случае необходимости будет иметь возможность обратиться с жалобой против Турции в связи с окончательным решением судов Турции относительно последствий завещания ее супруга для имущества, находящегося в Турции, если такое решение не будет учитывать основное Постановление Европейского Суда о признании властей Греции нарушившими статью 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции и если из основного Постановления не будет сделан вывод о необходимых последствиях, вытекающих из статуса Турции как государства – участника Конвенции.

53. Таким образом, Европейский Суд считает, что в указанных обстоятельствах в контексте настоящего дела он не обладает юрисдикцией для рассмотрения требований заявительницы, касающихся имущества ее супруга в Турции.

2. Моральный вред

54. Европейский Суд признает, что заявительнице, несомненно, был причинен моральный

вред в связи с дискриминацией, которой она подверглась. Принимая решение на основе принципа справедливости, как того требует статья 41 Конвенции, Европейский Суд присуждает ей 10 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

3. Судебные расходы и издержки

55. Европейский Суд напоминает, что право на компенсацию судебных издержек и расходов в соответствии со статьей 41 Конвенции возникает у потерпевшей стороны только в том случае, если она фактически и с необходимостью понесла такие расходы и издержки. В частности, пункт 2 правила 60 Регламента Европейского Суда предусматривает, что заявитель должен представить все свои требования в соответствии со статьей 41 Конвенции в виде расчета с распределением по рубрикам вместе со всеми подтверждающими документами. В отсутствие этого Европейский Суд вправе отклонить требование полностью или в части. Кроме того, судебные издержки и расходы могут быть возмещены только в том объеме, в котором они относятся к установленному нарушению (см. среди многих прочих примеров упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Вистињш и Перепёлкин против Латвии» (*Vistiņš and Perepjolkins v. Latvia*), § 50).

56. В настоящем деле Европейский Суд установил нарушение статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Необходимо признать, что, даже если бы данные положения не были нарушены, заявительница понесла бы расходы на производство в судах Греции. Таким образом, принимая во внимание документы, которые она представила для обоснования своего требования, Европейский Суд полагает, что ей следует возместить требуемую сумму в отношении производств в судах государства-ответчика, то есть 2 401,05 евро в качестве компенсации расходов на судебное представительство. Кроме того, принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы и свою прецедентную практику, Европейский Суд считает разумным присудить заявительнице в полном объеме суммы, требуемые ею в отношении производства в Европейском Суде, то есть 3 427,28 евро в качестве оплаты услуг адвоката и компенсации расходов, связанных с рассмотрением дела в Большой Палате Европейского Суда.

4. Процентная ставка при просрочке платежей

57. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Большая Палата Европейского Суда:

1) постановила единогласно, что:

(а) принятие властями государства-ответчика мер, обеспечивающих сохранение за заявителем права собственности на имущество в Греции, завещанное ее супругом, или в случае внесения изменений в земельный кадастр восстановление ее имущественных прав, будет представлять собой надлежащую компенсацию за нарушение ее прав;

(б) в случае непринятия таких мер в течение одного года власти государства-ответчика должны выплатить заявителю сумму в размере 41 103,36 (сорока одной тысячи ста трех евро и тридцати шести центов), а также любой налог, который может быть начислен на указанную сумму, в качестве компенсации материального ущерба;

(с) с даты истечения указанного срока в один год и до момента выплаты на указанную выше сумму должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

2) постановила единогласно, что:

(а) власти государства-ответчика обязаны в течение трех месяцев выплатить заявителю следующие суммы:

(i) 10 000 (десять тысяч) евро, а также любой налог, который может быть начислен на указанную сумму, в качестве компенсации морального вреда;

(ii) 5 828,33 (пять тысяч восемьсот двадцать восемь евро и тридцать три цента), а также любой налог, обязанность уплаты которого может быть возложена на заявителя, в качестве компенсации судебных расходов и издержек;

(б) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на указанные выше суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

3) отклонила 14 голосами «за» при трех – «против» оставшуюся часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках, уведомление о настоящем Постановлении направлено в письменном виде 18 июня 2020 г. в соответствии с пунктом 1 правила 71 и пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

Йохан КАЛЛЕВАРТ
Заместитель Секретаря
Большой Палаты
Суда

Роберт СПАНО
Председатель
Большой Палаты
Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему Постановлению прилагается отдельное мнение судей Пауля Лемменса, Паулине Коскело и Тима Эйке.

СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ПАУЛЯ ЛЕММЕНСА, ПАУЛИНЕ КОСКЕЛО И ТИМА ЭЙКЕ

ВВЕДЕНИЕ

1. Мы согласны с большинством судей в отношении формулировки общих принципов, применимых к оценке справедливой компенсации согласно статье 41 Конвенции (в принципе), как изложено в §§ 32–33 настоящего Постановления, и проголосовали за пункты 1 и 2 резолютивной части настоящего Постановления.

2. К сожалению, мы не можем согласиться с большинством судей в том, что касается применения указанных принципов к виду требования заявителя о справедливой компенсации в отношении имущества, находящегося в Турции, и с выводом большинства судей по данному виду требования.

3. При всем уважении, по причинам, которые подробно изложены ниже, мы считаем, что в настоящем Постановлении не только делается неверный вывод в отношении этого вида требования, но и, что еще важнее, оно основано на неоправданно узком толковании основного Постановления (Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Молла Сали против Греции» (Molla Sali v. Greece) от 19 декабря 2018 г., жалоба № 20452/14¹), а также в нем методологически и процедурно смешиваются и отождествляются два отдельных и отличных друг от друга этапа оценки жалобы заявителя в соответствии с Конвенцией.

4. При этом большинство судей избежали необходимости разрешить некоторые более сложные вопросы, возникающие в контексте оценки материального ущерба в соответствии со статьей 41 Конвенции. Кроме того, они не воспользовались данной возможностью, чтобы внести некоторую ясность в отношении прецедентной практики Европейского Суда, которая недостаточно развита в этой области. По сути в контексте постановлений Европейского Суда, в которых вопросы о приемлемости, существовании жалобы и справедливой компенсации почти всегда рассматриваются совместно, такому аспекту жалобы, как справедливая компенсация, уделяется лишь поверхностное внимание, практически как бы между прочим, без под-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2019. № 3 (примеч. редактора).

робного изложения или ссылки на применимые правовые принципы. Кроме того, как в настоящем деле, подобный поверхностный подход зачастую наносит ущерб заявителю, для которого присуждение справедливой компенсации (и иные меры индивидуального характера) в соответствии со статьей 41 Конвенции, вытекающее из постановления Европейского Суда, может быть единственным ощутимым (и желаемым) результатом возбуждения производства по делу в Европейском Суде (в отношении обратного риска чрезмерной компенсации см. отдельное мнение судей П. Коскело и Т. Эйке в Постановлении Европейского Суда по делу «Чапский и Есхкеова против Чешской Республики» (*Čapský and Jeschkeová v. Czech Republic*) от 9 февраля 2017 г., жалобы №№ 25784/09 и 36002/09). Это особенно актуально в тех случаях, когда заявителю пришлось ожидать значительный период до вынесения решения, и с течением времени *restitutio in integrum* стала практически невозможной.

5. Еще одним следствием текущей прецедентной практики Европейского Суда является то, что такие возможности, какую представляет собой настоящее дело, когда Европейскому Суду приходится заниматься отдельно (и исключительно) вопросом о справедливой компенсации в связи с уже установленным нарушением Конвенции, становятся всё более редкими. По этой причине вызывает сожаление тот факт, что большинство судей решили не заниматься сложными вопросами, как правовыми, так и фактическими и доказательственными, касающимися взаимосвязи между *restitutio in integrum* и компенсацией, а также о причинно-следственной связи и количественной оценке. В настоящем Постановлении явно упущена эта возможность, хотя любое указание Большой Палаты Европейского Суда в таком деле, каковым является настоящее, могло бы быть полезно не только различным составам Европейского Суда, которым необходимо получать информацию в целях ежедневного рассмотрения дел, связанных с вопросом о справедливой компенсации в соответствии со статьей 41 Конвенции, но и сторонам в Европейском Суде. Вместе с тем Большая Палата Европейского Суда могла бы предоставить сторонам более четкое руководство по сравнению с тем, что доступно в настоящее время, в отношении подхода, который будет занимать Европейский Суд, а также доказательств (и ходатайств), которые могут быть необходимы (или желательны) для того, чтобы убедить Европейский Суд присудить или нет справедливую компенсацию в отношении представленных видов требований и/или требуемых сумм.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

6. 18 декабря 2018 г. Европейский Суд вынес основное Постановление по настоящему делу.

В нем он решил, что «имело место нарушение статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции» (см. пункт 3 резолютивной части). Осуществляя свою юрисдикцию в соответствии со статьей 19 Конвенции, Европейский Суд, таким образом, с необходимостью установил, что, не соблюдая «обязательств, принятых в рамках Конвенции и Протоколов к ней», власти Греции нарушили свою обязанность, предусмотренную Конвенцией, по обеспечению прав и свобод (статья 1 Конвенции) и совершили противоправное деяние на международном уровне, которое повлекло за собой их (государственную) ответственность согласно международному праву и праву Конвенции.

7. Что касается вопроса о справедливой компенсации в соответствии со статьей 41 Конвенции, Европейский Суд отметил:

«Заявительница требовала выплаты 967 686,75 евро в качестве компенсации материального ущерба, причиненного в результате нарушения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. В подтверждение своих требований она предоставила документы, выданные налоговыми органами Греции в отношении завещанного ей имущества, расположенного в Греции, и экспертные заключения, составленные в Турции в отношении имущества, расположенного на территории Турции. Заявительница также требовала выплаты 30 000 евро в качестве компенсации морального вреда, причиненного ей нарушением статей 6 и 14 Конвенции. Наконец, она требовала выплаты 8 500 евро в качестве возмещения судебных расходов и издержек» (см. § 164 основного Постановления).

8. Однако Европейский Суд пришел к выводу, что вопрос о применении статьи 41 Конвенции (еще) не был готов к рассмотрению, и отложил его рассмотрение на более позднюю стадию, установив первоначальный срок в три месяца для возможного заключения властями Греции и заявителем мирового соглашения (пункт 1 правила 75 Регламента Европейского Суда).

ЗНАЧЕНИЕ ОСНОВНОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ

9. С учетом формулировок настоящего Постановления, в частности, §§ 49 и 50, важно пояснить то, что мы понимаем под контекстом и содержанием выводов, сделанных в основном Постановлении. К сожалению, мы не признаем узкое толкование основного Постановления, изложенное в данных параграфах. В § 50 настоящего Постановления утверждается, что:

«...даже если заявительница считала имущество, находящееся в Турции, частью “наследства”, которого она была лишена, то Европейский Суд, признав применимой статью 1 Протокола № 1 к Конвенции, в § 130 основного Постановления прямо указал на то, что “заявительница зарегистрировала переход прав на недвижимое имущество в кадастровой палате г. Комотини, оплатив соответствующие государственные

пошлины». Это относится только к имуществу, находящемуся в Греции. Только на данном основании Европейский Суд в своем основном Постановлении продолжил рассматривать вопрос о нарушении статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Таким образом, Европейский Суд в своем основном Постановлении не высказал какой-либо позиции по существу относительно предполагаемых прав заявительницы по статье 1 Протокола № 1 к Конвенции в отношении имущества, находящегося в Турции. Следовательно, это имущество не может служить основанием для предъявления каких-либо требований о справедливой компенсации в отношении властей государства-ответчика в настоящем отложенном производстве по статье 41 Конвенции».

10. Мы согласны с тем, что в отношении имущества, находящегося в Турции, которое было оставлено заявительнице на основании завещания, составленного в соответствии с гражданским законодательством, действительно не было высказано какой-либо позиции по существу. Однако это утверждение верно и в отношении имущества, находящегося в Греции, оставленного заявительнице на основании того же завещания. Причина состоит в том, что вопрос об имуществе, на которое распространяется завещание супруга заявительницы, на самом деле не представлял собой значимое или необходимое соображение для решения вопросов, возникающих в соответствии со статьей 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Однако также верно и обратное, а именно то, что ни в основном Постановлении, ни в иных случаях Европейский Суд не давал заявительнице каких-либо указаний на то, что имущество, находящееся в Турции, не является частью соответствующего «наследства», со ссылкой на которое в основном Постановлении было установлено нарушение статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Если необходимо найти подтверждение этому, то им может служить тот факт, что это имущество составило значительную часть требований заявительницы в соответствии со статьей 41 Конвенции, как кратко изложено в §§ 18–21 настоящего Постановления.

11. Также нельзя предположить, что характер ее требования (в том числе в отношении имущества, находящегося в Турции, которое было оставлено ей по завещанию ее супруга) не был ясен на протяжении всего производства по существу жалобы. В сущности, как указано в основном Постановлении, наследство, которое должно было быть передано заявительнице на основании нотариально заверенного завещания, составленного ее супругом-греком (исламского вероисповедания), и которое, следовательно, являлось предметом производства по делу в Европейском Суде, включало в себя «всё его имущество, а именно, одну третью часть земельного участка сельскохозяйственного назначения

площадь 2 000 кв. м, расположенного неподалеку от г. Комотины; одну вторую часть квартиры площадью 127 кв. м; машиноместо и подвальное помещение в многоквартирном доме в г. Комотины; одну четвертую часть магазина, расположенного в г. Комотины, площадью 24 кв. м; магазин площадью 31 кв. м в г. Комотины, который позднее был изъят с выплатой заявительнице компенсации за изъятие, а также четыре объекта недвижимости в г. Стамбуле» (см. § 9 основного Постановления, подчеркнуто нами).

12. Это отражает тот факт, что в своих замечаниях от 29 января 2017 г., представленных в ходе рассмотрения дела по существу в ответ на замечания властей Греции о приемлемости и существовании жалобы, заявительница прямо утверждала, *inter alia*, что «завещатель имел в Турции (г. Стамбул) следующие объекты недвижимости», и указала как в своих замечаниях, так и в подтверждающих доказательствах один объект недвижимости в районе Фатих в г. Стамбуле и еще три объекта недвижимости в районе Бакыркёй в г. Стамбуле (см., *inter alia*, §§ 8 и 44). В дополнение к указанным замечаниям заявительница также представила экспертные оценки этого имущества, составленные экспертами из Турции.

13. Большинство судей пытаются преодолеть эту сложность, (а) утверждая, что, «хотя умерший супруг заявительницы составил завещание в общих выражениях, не делая различия между объектами недвижимости, находящимися в Турции и Греции, нотариально заверенный акт заявительницы о принятии завещания относится только к имуществу умершего в Греции и описывает только это имущество (см. § 10 основного Постановления¹)» (см. § 49 настоящего Постановления), и (b) ссылаясь на то, что Европейский Суд «в § 130 основного Постановления прямо указал на то, что «заявительница зарегистрировала переход прав на недвижимое имущество в кадастровой палате г. Комотины, оплатив соответствующие государственные пошлины» (см. § 50 настоящего Постановления). Однако ни одно из данных утверждений не дает четкого указания (если какое-либо вообще имеется) на то, что Европейский Суд исключил из своего рассмотрения имущество, находящееся в Турции, которое было оставлено заявительнице на основании завещания ее супруга.

14. В действительности § 10 основного Постановления не содержит четких и недвусмысленных формулировок, как это предполагают большинство судей. В нем просто отмечается, что «решением от 10 июня 2008 г. № 12.785/2003 суд первой инстанции г. Комотины на основании представленного заявительницей свидетельства, подтверждающего близкое родство с умершим, официально утвер-

¹ Так в тексте. По-видимому, допущена техническая ошибка, так как в § 10 основного Постановления данный текст отсутствует (примеч. редактора).

дил завещание. 6 апреля 2010 г. заявительница оформила у нотариуса акт о вступлении в наследство. Казначейство было уведомлено об этом, и заявительница зарегистрировала переход прав на недвижимое имущество в кадастровой палате г. Комотины, оплатив соответствующие государственные пошлины. В материалах дела отсутствовали сведения об уплате заявительницей каких-либо налогов на наследство в отношении переданного ей по завещанию имущества». Отсутствуют какие-либо указания (и какие-либо доказательства) на то, что нотариально заверенный акт о вступлении заявительницы в наследство относился только к объектам недвижимости, находящимся в Греции. Напротив, он предполагал, что принятие заявительницей наследства, как и само удостоверенное завещание, касалось всего имущества ее супруга, то есть включало в себя имущество в Турции. Кроме того, что касается регистрации в земельном кадастре, можно предположить, что в земельном кадастре в Греции можно было регистрировать только объекты недвижимости, находящиеся в Греции. Следовательно, сам факт того, что заявительница зарегистрировала греческую недвижимость в земельном кадастре Греции, не может служить доводом для исключения имущества, находящегося в Турции, из ее требования, предъявленного в Европейском Суде.

15. Аналогичным образом, ссылка на § 130 основного Постановления не дает достаточного (или какого-либо) подтверждения вывода о том, что такое имущество не может служить основанием для требования заявительницы о справедливой компенсации в настоящем деле. Да, в § 130 основного Постановления действительно подтверждается, что заявительница «зарегистрировала переход прав на недвижимое имущество», но опять же он не содержит каких-либо упоминаний о том, включало ли оно в себя или исключало те объекты недвижимости, указанные в завещании (и принятые заявительницей на основании нотариального акта), которые находятся в Турции. Однако любое подтверждение подхода, принятого большинством судей, с помощью этого фактического утверждения еще сильнее ослабляется тем, что оставшаяся часть указанного параграфа сразу возвращает к обсуждению завещания и наследства в совокупности (вместо того, чтобы сконцентрироваться на каких-либо конкретных объектах недвижимости, которые могут являться частью данного имущества):

«Суд первой инстанции нома Родопы и Фракийский апелляционный суд рассмотрели иски о требованиях сестер умершего и признали завещание действительным, отметив, что завещатель добровольно решил оформить завещание в соответствии с положениями Гражданского кодекса Греции. Единственной причиной, по которой у заявительницы не было свидетельства о праве на наследство, предусмотренного статьей 1956 Гражданского кодекса Греции, было то, что сестры

умершего оспорили действительность завещания сразу же после его открытия судом первой инстанции нома Родопы (см. выше § 11). Следовательно, заявительница унаследовала бы имущество ее супруга в полном объеме, если бы тот не исповедовал ислам».

16. Основное Постановление не содержит каких-либо иных указаний, которые могли бы привлечь внимание заявительницы к тому, что ее требование по статье 41 Конвенции, по мнению Европейского Суда, было настолько узким, как это следует из настоящего Постановления. Фактически, скорее наоборот, оставшаяся часть основного Постановления вновь подтверждает мнение о том, что Европейский Суд рассматривал завещание или имущество супруга в совокупности, не исключая из своей оценки имущество, находящееся в Турции. См., *inter alia*:

а) краткое изложение жалобы заявительницы, которая утверждала, что, «применив к завещанию ее супруга законы шариата вместо гражданского законодательства Греции, Кассационный суд Греции лишил ее трех четвертей завещанного ей имущества» (§ 84 основного Постановления), а также

б) следующие параграфы основного Постановления:

«...Европейский Суд считает, что имущественный интерес заявительницы по вступлению в наследство в отношении имущества ее супруга был достаточно значимым и признанным для того, чтобы оно могло являться “собственностью” по смыслу первого предложения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции...» (§ 131);

«Нет сомнений в том, что заявительница ожидала, как и любой другой гражданин Греции на ее месте, что после смерти супруга его имущество будет распределено в соответствии с завещанием, составленным в надлежащем порядке» (§ 139);

«Таким образом, заявительница как наследница по завещанию, оформленному в соответствии с положениями Гражданского кодекса Греции завещателем исламского вероисповедания, находилась в ситуации, сходной с той, в которой находятся лица, наследующие по завещанию, оформленному согласно положениям Гражданского кодекса Греции завещателем неисламского вероисповедания, и она подверглась различному обращению по “иному признаку”, в данном случае на основании вероисповедания завещателя» (§ 141).

«Европейский Суд прежде всего отмечает, что применение законов шариата к наследственному делу заявительницы имело для последней серьезные последствия, а именно лишило ее трех четвертей завещанного ей имущества» (§ 145);

«Основным следствием подхода Кассационного суда Греции, занимаемого начиная с 1960 года этим судом и некоторыми другими судами первой инстанции, согласно которому законы шариата применялись к наследственным отношениям лиц, принадлежащих к мусульманскому меньшинству, стало то, что завещание, оформленное в присутствии нотариуса гражданином Греции

исламского вероисповедания, не имеет юридической силы, поскольку законы шариата признают только наследование *ab intestat*, за исключением случаев, когда составлено исламское завещание» (§ 148);

«Таким образом, принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд считает, что различие в обращении, которому подверглась заявительница в качестве наследницы по завещанию, оформленному в соответствии с Гражданским кодексом Греции завещателем исламского вероисповедания, по сравнению с наследником по завещанию, составленному согласно Гражданскому кодексу Греции завещателем неисламского вероисповедания, не имело объективных и обоснованных причин» (§ 161).

17. Несомненно, в частности, если принять во внимание доводы, по которым большинство судей пришли к своим выводам в настоящем Постановлении, было бы возможно и необходимо разъяснить заявительнице в основном Постановлении, что такое имущество не может «составлять основу какого-либо требования о справедливой компенсации» в данном производстве. Если это не было сделано раньше, то вышеупомянутый § 164 основного Постановления являлся для этого последней возможностью, и справедливость по отношению к сторонам требовала, чтобы это было выражено в максимально ясных формулировках. Это особенно актуально в тех случаях, когда, как в настоящем деле, из доказательств следует, что такой подход лишил бы заявительницу возможности выступить в защиту или получить компенсацию за то, что является наиболее ценной частью ее наследства, оцененного экспертами в размере 936 912,50 евро (см. § 21 настоящего Постановления, в отличие от стоимости объектов недвижимости, находящихся в Греции, с согласованной стоимостью 41 103,36 евро (см. §§ 9, 21, 26 и 36 настоящего Постановления)).

18. Наконец, с правовой точки зрения, позиция, которую сейчас занимают большинство судей в стремлении сузить толкование основного Постановления, также не лишена трудностей.

19. Более того, в § 127 основного Постановления явно указано на то, что Европейский Суд, определяя соответствующую «собственность» для целей подачи жалобы заявительницы в рамках статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, прямо сослался на Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фабри против Франции» (*Fabris v. France*), жалоба № 16574/08, § 52, *ECHR* 2013, в том смысле, что «в случаях подачи жалобы на нарушение статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции, когда заявитель целиком или частично лишен конкретного актива по дискриминационным основаниям, охватываемым статьей 14 Конвенции, Европейский Суд должен выяснить, имел бы заявитель право на данный актив, осуществимое в соответствии с законодательством государства-ответчика, если бы

он не подвергся предполагаемой дискриминации» (см. также, *mutatis mutandis*, Решение Большой Палаты Европейского Суда по делу «Стек и другие против Соединенного Королевства» (*Stec and Others v. United Kingdom*), жалобы №№ 65731/01 и 65900/01, § 55, *ECHR* 2005-X, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Андреева против Латвии» (*Andrejeva v. Latvia*), жалоба № 55707/00, § 79, *ECHR* 2009).

20. При этом в §§ 131 и 140 основного Постановления далее говорится о том, что (а), применяя данный принцип, «Европейский Суд считает, что имущественный интерес заявительницы по вступлению в наследство в отношении имущества ее супруга был достаточно значимым и признанным для того, чтобы оно могло являться “собственностью” по смыслу первого предложения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции», и (б) дискриминация в настоящем деле следует из того, что «[в] постановлении от 7 октября 2013 г. Кассационный суд Греции... отметил, что завещанное супругом заявительницы имущество относилось к категории имущества “в полной собственности” (*mulkia*), вследствие чего рассматриваемое публичное завещание должно было быть признано не влекущим правовых последствий». Как далее утверждал Европейский Суд, именно в результате принятия данного постановления Кассационным судом Греции «...заявительница оказалась в ситуации, отличавшейся от положения замужней женщины, наследующей на основании завещания супруга, не исповедующего ислам».

21. Напротив, если бы основное внимание, как теперь полагают большинство судей, было уделено только (зарегистрированному) имуществу в Греции, то, очевидно, что важнейшие (и, возможно, решающие) вопросы о приемлемости и по существу жалобы не были бы рассмотрены. Ведь Европейский Суд, проведя непосредственный анализ в отношении дискриминации, не выявил какого-либо различия в обращении (и тем более дискриминации) относительно зарегистрированных объектов недвижимости либо факта или процедуры их регистрации. Кроме того, что касается приемлемости жалобы, то, как следует из настоящего Постановления, большинство судей по сути признают, что возможность реализации прав заявительницы на это (находящееся в Греции) имущество по-прежнему остается предметом споров в судах Греции, и окончательное решение (в том числе для целей пункта 1 статьи 35 Конвенции) еще не было принято.

22. В связи с вышеизложенным нам представляется очевидным, что соответствующей «собственностью» в основном Постановлении могло быть только «имущество» или «наследство», завещанное заявительнице ее умершим супругом в совокупности, что неизбежно включало в себя объекты недвижимости, находящиеся в Турции. Следовательно,

требование о справедливой компенсации, которое было определено в § 164 основного Постановления и рассмотрение которого было отложено, также охватывало требование в отношении объектов недвижимости в Турции, которые составляли часть «имущества» или «наследства». Если не считать это простым недосмотром, то вышеуказанный вывод подтверждается еще и тем, что в резолютивной части основного Постановления ни один из аспектов требования заявительницы не был объявлен неприемлемым для рассмотрения по существу или отклонен.

СИТУАЦИЯ С ОБЪЕКТАМИ НЕДВИЖИМОСТИ, НАХОДЯЩИМИСЯ В ТУРЦИИ

23. Как в основном Постановлении (§ 31), так и в настоящем Постановлении (§ 16) отмечается, что исполнение завещания супруга в отношении имущества, находящегося в Турции, в настоящее время является предметом (отдельного) судебного разбирательства в судах Турции. Как указано в § 16 настоящего Постановления, соответствующее разбирательство было инициировано заявительницей, которая обратилась в Суд по гражданским делам первой инстанции района Баыркёй с требованием применения завещания к имуществу, находящемуся в Турции. Одновременно с этим сестры наследодателя подали иск о признании завещания недействительным по причине его несоответствия законодательству Турции. Предварительно отложив рассмотрение этого дела в ожидании результатов производства по делу в судах Греции,

«...18 января 2018 г. Суд по гражданским делам первой инстанции района Баыркёй постановил, что отсутствует необходимость рассматривать иск сестер умершего супруга заявительницы, поскольку завещание последнего будет признано недействительным в соответствии с принципами международного частного права, установленными в Гражданском кодексе Турции (вследствие противоречия публичной политике Турции). Суд пришел к выводу, что постановление Кассационного суда Греции является окончательным и в соответствии с международным частным правом Турции, обязательным для суда, поэтому отсутствует необходимость пересматривать дело».

24. Указанное постановление еще не вступило в законную силу, и на момент производства по делу в Большой Палате Европейского Суда апелляционная жалоба на это постановление находилась на рассмотрении Апелляционного суда г. Стамбула.

МЕТОДОЛОГИЯ ПОСЛЕ УСТАНОВЛЕНИЯ НАРУШЕНИЯ

25. Прежде, чем перейти к рассмотрению подхода, который Европейский Суд, на наш взгляд, должен был принять в отношении требования

о возмещении материального ущерба в настоящем деле и, в частности, в отношении объектов недвижимости, находящихся в Турции, важно сделать два предварительных замечания.

26. Во-первых, с учетом того, что, по нашему мнению, предметом основного Постановления было «наследство» или «имущество», оставленное заявительнице ее супругом на основании завещания, в целях статьи 41 Конвенции принципы, подлежащие применению к части наследства, состоящей из объектов недвижимости в Греции, аналогичны тем, что применяются к наследству, состоящему из объектов недвижимости, находящихся в Турции. Однако результат применения данных принципов (и любого вынесенного вследствие этого корректирующего распоряжения) может отличаться.

27. Во-вторых, как указано выше, прецедентная практика Европейского Суда относительно принципов, подлежащих применению в контексте статьи 41 Конвенции, недостаточно развита. Как следствие, нам представляется, что исходным пунктом любого анализа должны стать принципы возмещения вреда, применимые в соответствии с общим международным публичным правом и наиболее наглядно изложенные в Статьях об ответственности государств за международно-противоправные деяния Комиссии международного права (далее – Статьи об ответственности) и в комментариях к ним, по крайней мере, до тех пор, пока Европейский Суд сам четко не определит различные принципы и не приведет не только доводы в их пользу, но и обоснования для иного подхода.

28. Пункт 1 статьи 31 Статей об ответственности, которые «направлены на точную кодификацию текущих норм общего международного права» (см. Постановление Суда Европейского союза по делу «Аксель Уолц против компании “Кликэйр СА”» (Axel Walz v. Clickair SA) от 6 мая 2010 г., дело № C-63/09, ECLI: EU: C:2010:251, § 28), предусматривает, ссылаясь, *inter alia*, на Постановление № 8 Постоянной палаты Международного правосудия по делу «О фабрике в г. Хожуве» (Factory at Chorzów) (юрисдикция), 1927 год, P.C.I.J., Series A, № 9, п. 21, что:

«Ответственное государство обязано предоставить полное возмещение вреда, причиненного международно-противоправным деянием».

29. Данное утверждение равносильно обязательству о том, что «возмещение должно, насколько это возможно, устранить все последствия противоправного деяния и восстановить ситуацию, которая, по всей вероятности, существовала бы, если бы такое деяние не было совершено» (см. упомянутое выше постановление Постоянной палаты Международного правосудия по делу «О фабрике в г. Хожуве» (Factory at Chorzów), п. 47, а также постановление Международного суда ООН по делу

«О применении Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него» (Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории) (Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide) (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro), *I.C.J. Reports* 2007, p. 43, § 460).

30. Следующий вопрос, который Европейский Суд должен задать в данном контексте, заключается в том, какой «вред» или «ущерб» был причинен заявительнице в результате установленных нарушений. Как следует из пункта 2 статьи 31 Статей об ответственности, в данном контексте в рамках международного права

«вред включает любой ущерб, материальный или моральный, причиненный международно-противоправным деянием государства» (подчеркнуто нами).

31. Таким образом, акцент сделан на «полном» возмещении и на необходимости устранить «любые» последствия, «вызванные» противоправным деянием, и в настоящем деле это любые последствия лишения заявительницы наследства путем помещения ее «в положение, отличавшееся от положения замужней женщины, наследующей на основании завещания супруга, не исповедующего ислам», что противоречило запрету дискриминации по признаку вероисповедания, содержащемуся в статье 14 Конвенции (см. § 141 основного Постановления).

32. Именно вопрос о причинно-следственной связи, хотя и не без сложностей (как правовых, так и фактических), лежит в основе данного расхождения и будет рассмотрен ниже.

33. Как только причинно-следственная связь установлена (или предполагается), как объясняет настоящее Постановление (§§ 32–33), в соответствии со статьей 41 Конвенции (как и в контексте общего публичного международного права) подлежащее выплате возмещение может принимать различные формы, что и подтверждается прецедентной практикой Европейского Суда:

(а) если характер нарушения позволяет осуществить *restitutio in integrum*, то ее должны осуществить власти государства-ответчика, но,

(б) с другой стороны, если или в той степени, в которой *restitutio in integrum* в существенной степени невозможна или несоразмерна, будь то по причине внутригосударственного законодательства или по иным причинам, то любой ущерб, исчисляемый в финансовом выражении (как материальный, так и моральный), должен быть компенсирован (см. статью 36 Статей об ответственности), и в указанных целях статья 41 Конвенции предоставляет Европейскому Суду право присудить потерпевшей стороне такую компенсацию, которая представляется ему надлежащей.

34. Статья 36 Статей об ответственности («Компенсация») подтверждает, что:

«1. Государство, ответственное за международно-противоправное деяние, обязано компенсировать ущерб, причиненный таким деянием, насколько такой ущерб не возмещается реституцией.

2. Компенсация охватывает любой исчислимый в финансовом выражении ущерб, включая упущенную выгоду, насколько она установлена».

35. В данном контексте мы также согласны с изложением принципа, сформулированного в § 46 настоящего Постановления, о том, что у заявительницы «не может возникнуть право на двойную компенсацию... на основании постановления Европейского Суда». Это также отражает позицию, существующую в общем публичном международном праве, согласно которой жертва международно-противоправного деяния «имеет право на полную компенсацию ущерба, причиненного непосредственно противоправным поведением [ответственного государства]; однако жертва не может быть поставлена в более выгодное положение по сравнению с тем, в котором она оказалась бы в отсутствие такого противоправного поведения» (см., например, Решение о компенсации Постоянной палаты третейского суда по делу «О корабле “Арктик Санрайз”» (Королевство Нидерландов против Российской Федерации) (The Arctic Sunrise Arbitration) (Netherlands v. Russia) от 10 июля 2017 г., дело № 2014–02, § 49).

ИМУЩЕСТВО, НАХОДЯЩЕЕСЯ В ГРЕЦИИ

36. Именно вследствие применения вышеуказанных принципов в настоящем Постановлении без какого-либо подробного анализа предполагается наличие необходимой причинно-следственной связи между «противоправным деянием», то есть дискриминационным признанием Кассационным судом Греции завещания супруга заявительницы недействительным, и (потенциальным) изменением ее права собственности на данные объекты, зарегистрированного в земельном кадастре. Кроме того, что, по нашему мнению, справедливо, настоящее Постановление ставит присуждение компенсации материального ущерба по требованию заявительницы, касающемуся имущества в Греции, в зависимость от невозможности *restitutio in integrum* (в форме подтверждения или восстановления ее права собственности на данные объекты недвижимости) в течение одного года с даты вынесения настоящего Постановления.

ИМУЩЕСТВО, НАХОДЯЩЕЕСЯ В ТУРЦИИ

37. Напротив, в настоящем Постановлении вообще не затрагивается вопрос о наличии необходимой причинно-следственной связи между «противоправным деянием», то есть дискриминационным признанием Кассационным судом Греции

завещания супруга заявительницы недействительным и ущербом, заявленным в отношении объектов недвижимости в Турции, которые она унаследовала на основании завещания ее супруга.

38. Большинство судей стремились не просто обойти данный вопрос, утверждая в § 50 настоящего Постановления о том, что Европейский Суд в основном Постановлении не высказал «какой-либо позиции по существу» в отношении такого имущества, и, следовательно, оно «не может служить основанием для каких-либо требований о справедливой компенсации в отношении властей государства-ответчика в настоящем отложенном производстве по статье 41 Конвенции». Представляется, что большинство судей в §§ 48 и 51 настоящего Постановления также, по нашему мнению, ошибочно предполагают (не говоря об этом), что не может существовать причинно-следственной связи между нарушением Конвенции властями государства-ответчика и ущербом, причиненным заявительнице за пределами территории данного государства-ответчика.

39. Таким образом, большинство судей, по-видимому, предполагают, что требование заявительницы в отношении убытков, понесенных в связи с имуществом в Турции, могло быть удовлетворено только в том случае, если бы она подала жалобу в соответствии с Конвенцией против Турции. При этом они используют формулировки, напоминающие формулировки атрибуции, рассматривая вопрос о том, осуществляет ли Греция как (единственное) государство-ответчик по данной жалобе «свою юрисдикцию в отношении разбирательства, происходящих в Турции» (см. § 48 настоящего Постановления). Данный подход также находит свое отражение в том, что большинство судей ссылаются на тот факт, что в соответствии со статьей 46 Конвенции любое постановление Европейского Суда является обязательным только для государств-участников, участвовавших в судебном разбирательстве, в связи с которым оно было принято (см. § 51 настоящего Постановления), и на предположение о том, что заявительница всегда «будет иметь возможность обратиться с жалобой против Турции в связи с окончательным решением судов Турции» (см. *ibid.*).

40. Однако по изложенным выше причинам это в корне неверное толкование вопроса, который Европейский Суд рассматривает на данной (окончательной) стадии производства по делу, возбужденному заявительницей против Греции. Предметом жалобы (как и основного Постановления) против Греции является признание Кассационным судом Греции завещания, составленного супругом заявительницы в соответствии с гражданским законодательством, недействительным, и лишение ее наследства, которое он намеревался ей оставить, и Европейский Суд в соответствии со статьей 41 Конвенции вовсе не рассматривает законность дей-

ствий судов Турции или каких-либо иных действий властей Турции. Напротив, единственный вопрос, возникающий на данной стадии производства, состоит в том, что представляет собой «вред», «причиненный» «противоправным деянием», совершенным властями государства-ответчика и установленным в основном Постановлении, в отношении которого должно быть вынесено постановление о «возмещении»/«справедливой компенсации».

41. Конечно, может иметь место факт того, что ввиду нахождения объектов недвижимости за пределами юрисдикции Греции, нельзя вести речь о *restitutio in integrum*. С учетом довода заявительницы о том, что окончательное решение судов Греции, вынесенное в ее пользу, будет в равной степени подлежать исполнению в Турции и подтверждать ее право собственности на данные объекты недвижимости, мы согласны с тем, что реституция этих объектов недвижимости не относится (и не может относиться) к полномочиям властей государства-ответчика и, следовательно, физически невозможна.

42. В результате Европейский Суд должен был задаться вопросом о наличии достаточной причинно-следственной связи между постановлением Кассационного суда Греции о признании гражданского завещания, составленного умершим супругом заявительницы, недействительным (что, по мнению Европейского Суда, было равносильно нарушению ее конвенционных прав) и отказом (до настоящего времени) судов Турции привести в исполнение гражданское завещание ее супруга, чтобы вышеуказанные составляющие ее утраченного наследства стали компенсируемым «ущербом» в целях статьи 41 Конвенции.

43. Рассматривая данный вопрос, справедливо отметить, как это делает Комиссия международного права в пункте 10 своего Комментария к статье 31 Статей об ответственности, о том, что:

«В международном, как и в национальном праве вопрос об удаленности ущерба “не является частью права, которую можно удовлетворительно урегулировать путем изыскания одной словесной формулы”. Концепция достаточной причинно-следственной связи, которая не является слишком отдаленной, воплощена в общем требовании статьи 31 о том, что ущерб должен являться следствием противоправного деяния, однако без добавления какой-либо конкретной ограничивающей фразы».

44. При этом с учетом нерассмотрения Европейским Судом данного вопроса, а также в отсутствие надлежащего критерия можно воспользоваться некоторым руководством, сформулированным на основании критерия причинно-следственной связи, принятого Международным судом ООН в недавнем деле «Об определенной деятельности, осуществляемой Никарагуа в пограничном районе» (Коста-Рика против Никарагуа) (*Certain Activities Carried Out by Nicaragua in the Border Area*) (*Costa Rica v. Nicaragua*)

(компенсация), *I.C.J. Reports* 2018 (хотя и в ином контексте экологического ущерба):

«В целях присуждения компенсации Суд выяснит, можно ли определить и в какой степени каждый из различных видов ущерба, возмещения которых требует заявитель, и являются ли они следствием неправомерного поведения ответчика, путем установления “наличия достаточно прямой и определенной причинно-следственной связи между противоправным деянием... и ущербом, причиненным заявителю”» (р. 15, § 32).

45. Аналогичным образом без какого-либо подробного изучения данного вопроса большинством судей в настоящем деле нам кажется, что этот критерий вполне может быть удовлетворен в обстоятельствах, когда, как в настоящем деле, суды Турции не применили какое-либо отдельное положение публичной политики Турции для отказа в приведении в исполнение гражданского завещания супруга заявительницы (чтобы потенциально разорвать причинно-следственную связь). Как указано в настоящем Постановлении, суды Турции до настоящего момента основывали свое(-и) решение(-я) исключительно и явно на том, что постановление Кассационного суда Греции было «обязательным» для них, то самое постановление, которое, как было установлено в основном Постановлении Европейского Суда, нарушало конвенционные права заявительницы.

46. В любом случае нам представляется недостаточным обосновывать решение об отказе заявительнице в средствах правовой защиты в связи с утратой (явно) большей части ее наследства без какого-либо рассмотрения (не говоря уже о подробном рассмотрении) вопроса о причинно-следственной связи и удаленности только потому, что окончательные решения, приводящие в исполнение неправомерное постановление Кассационного суда Греции, были приняты судом другого государства, не являющегося участником разбирательства.

47. Тот факт, что два разных государства или субъекта могут способствовать причинению заявителю ущерба, *per se* не дает ответа на вопрос, анализируемый Европейским Судом на данной стадии производства по делу. Европейский Суд уже имел повод рассмотреть соответствующий вопрос и прийти к выводу, что поведение, равносильное международному правонарушению, может быть приписано нескольким субъектам: см., *inter alia*, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Джедда против Соединенного Королевства» (*Al-Jedda v. United Kingdom*), жалоба № 27021/08, § 80, *ECHR* 2011, а также в порядке необходимой презумпции Постановление Европейского Суда по делу «Стефенс против Мальты (№ 1)» (*Stephens v. Malta*) (№ 1) от 21 апреля 2009 г., жалоба № 11956/07, §§ 50–54, и Постановление Европейского Суда по делу «Василичук против Республики Молдова» (*Vasiliciuc*

v. Republic of Moldova) от 2 мая 2017 г., жалоба № 15944/11, §§ 21–25. Пункт 1 статьи 47 Статей об ответственности подтверждает данный подход:

«Если несколько государств несут ответственность за одно и то же международно-противоправное деяние, в связи с данным деянием можно призвать к ответственности каждое из этих государств».

48. Кроме того, как пояснила Комиссия международного права в пунктах 12 и 13 своего комментария к статье 31 Статей об ответственности (сноски опущены):

«(12) Зачастую два отдельных фактора взаимно накладываются в причинении ущерба. В деле о дипломатическом и консульском персонале США в г. Тегеране (*United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran*) первоначальный захват заложников воинствующими студентами (не действовавшими в то время в качестве органов или представителя государства) объяснялся совокупностью собственных независимых действий студентов и непринятием властями Ирана необходимых мер по защите посольства. В деле о проливе Корфу (*Corfu Channel*) ущерб британским судам был причинен как действиями третьего государства, установившего мины, так и действиями Албании, не предупредившей об их наличии. Хотя в подобных случаях вред, о котором идет речь, в действительности был причинен в результате совокупности факторов, лишь один из которых может быть отнесен на счет несущего ответственность государства, международная практика и решения международных судов не поддерживают уменьшения или смягчения возмещения за ущерб, наступивший в результате совпадающих причин, за исключением случаев способствующей вины. Например, по делу о проливе Корфу Соединенное Королевство получило компенсацию в полном объеме по своему иску против Албании, основанием для чего послужило неправомерное отсутствие предупреждения со стороны последней о минах, хотя Албания и не устанавливала эти мины...

(13) Случаи, когда различимый элемент вреда может быть надлежащим образом отнесен на счет лишь одной из нескольких совпадающих причин, действительно могут иметь место. Однако несущее ответственность государство должно признаваться ответственным за все последствия своего противоправного поведения, за исключением слишком удаленных, если нельзя доказать, что некоторая часть ущерба может быть отделена с точки зрения причинно-следственной связи от того ущерба, который вменяется этому государству...».

49. В окончательном Постановлении Постоянной палаты третейского суда по делу «Компания “Халлей Энтерпрайзис Лимитед” (Кипр) против Российской Федерации» (*Hulley Enterprises Limited (Cyprus) v. the Russian Federation*) от 18 июля 2014 г., дело № АА 226, § 1775 (см. для сравнения Постановление Европейского Суда по делу «ОАО “Нефтяная компания “ЮКОС” против Российской Федерации (ОАО *Neftyanaya Kompaniya “YUKOS” v. Russia*) от 20 сентября 2011 г., жало-

ба № 14902/04¹, § 524, арбитраж истолковал приведенные выше параграфы как подтверждающие, что:

«...сам факт того, что ущерб был причинен не только нарушением, но и сопутствующим деянием, которое не является нарушением, как таковой не разрушает причинно-следственную связь, которая в противном случае существовала бы между нарушением и ущербом. Скорее, ответчик должен доказать, что конкретное последствие его действий может быть отделено с точки зрения причинно-следственной связи (вследствие вмешательства истца или третьей стороны) или быть слишком удаленным, чтобы повлечь за собой обязанность ответчика возместить ущерб».

Опять же, власти государства-ответчика не выдвинули каких-либо доводов или доказательств (и подобные доводы или доказательства не были рассмотрены Европейским Судом), которые могли бы установить, что убытки, понесенные в Турции, могут быть отделены с точки зрения причинно-следственной связи или что по иным причинам они являются слишком удаленными.

50. В качестве возражения против нашего подхода может служить тот довод, что, принимая решение о том, был ли ущерб, причиненный заявительнице в связи с частью ее наследства в Турции, вызван нарушением властями Греции прав заявительницы в соответствии со статьей 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции, Европейский Суд будет недопустимым образом осуществлять свою юрисдикцию по существу (в соответствии со статьей 19 Конвенции) в отношении действий или бездействия судов Турции, ссылаясь на обязательства властей Турции по (статье 1) Конвенции (применяя то, что иногда называют принципом дела «О монетарном золоте» или принципом «обязательной стороны в деле»). Однако по причинам, изложенным выше, Европейский Суд явно не затрагивает этот вопрос на данном этапе производства. Вопрос о юрисдикции является необходимой предпосылкой прежде всего для того, чтобы Европейский Суд начал рассмотрение жалобы заявительницы в соответствии с Конвенцией. Принимая и вынося решение по существу жалобы заявительницы, которая, как указано выше, всегда включала в себя требование в отношении объектов недвижимости в Турции, составляющих часть ее наследства согласно гражданскому завещанию ее умершего супруга, в своем основном Постановлении (без объявления какого-либо аспекта жалобы неприемлемым для рассмотрения по существу) Большая Палата Европейского Суда неизбежно признала наличие у нее юрисдикции в отношении всей жалобы заявительницы. Не ясно, на каком основании данное решение может или должно быть пересмотрено.

51. В любом случае, даже если бы вопрос о юрисдикции Европейского Суда был уместен для рассмотрения на данной стадии производства по делу, необходимо учитывать контекст сотрудничества судебных органов между государствами. В этом контексте Европейский Суд не будет лишен возможности осуществлять юрисдикцию в отношении постановления Кассационного суда Греции, даже если (или в той степени, в которой) оно будет приведено в исполнение судами другого государства.

52. В связи с этим мы также ссылаемся на Постановление Международного трибунала по морскому праву по делу «О торговом судне “Норстар”» (Панама против Италии) (The M/V «Norstar» Case) (Panama v. Italy) от 4 ноября 2016 г. (предварительные возражения). В данном деле власти Испании арестовали и задержали зарегистрированное в Панаме судно во исполнение постановления об аресте, вынесенного судами Италии на основании запроса о судебной помощи со стороны прокурора суда г. Савоны в соответствии со статьей 15 Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 года и статьей 53 Шенгенского соглашения от 14 июня 1985 года. Италия, выступая в качестве ответчика перед Международным трибуналом по морскому праву, утверждала, что именно арест и задержание судна были предметом иска Панамы и, таким образом, составляли саму суть постановления, которое она просила трибунал вынести. Соответственно, если бы Международный трибунал по морскому праву подтвердил свою юрисдикцию в отношении жалобы, это неизбежно повлекло бы за собой установление законности поведения другого государства, не являвшегося участником разбирательства. Трибунал настойчиво отклонил это возражение по причинам, которые в равной степени применяются в настоящем деле:

«172. Трибунал признает, что концепция обязательной стороны в деле является устоявшейся процессуальной нормой в международных судебных разбирательствах, разработанной главным образом на основе решений Международного суда ООН. В рамках указанной концепции, если “насуточный вопрос, подлежащий урегулированию, касается международной ответственности третьего государства” или если правовые интересы третьего государства могут стать “самим предметом” спора, суд или трибунал не может без согласия такого третьего государства осуществлять юрисдикцию в отношении спора (Постановление Международного суда ООН по делу “О монетарном золоте, вывезенном из г. Рима в 1943 году” (Италия против Франции, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки) (Monetary Gold Removed from Rome in 1943) (Italy v. France, United Kingdom and United States of America), *I.C.J. Reports* 1954, p. 19, 32–33, Постановление Международного суда ООН по делу “О Восточном Тиморе” (Португалия против Австралии) (East Timor) (Portugal v. Australia), *I.C.J. Reports* 1995, p. 90, 92, § 29,

¹ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2012. № 3 (примеч. редактора).

Постановление Международного суда ООН по делу «О военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа» (Никарагуа против Соединенных Штатов Америки) (*Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua*) (*Nicaragua v. United States of America*) (юрисдикция и приемлемость жалобы) *I.C.J. Reports* 1984, р. 392, 431, § 88, Постановление Международного суда ООН по делу «О некоторых районах залегающих фосфатных руд в Науру» (Науру против Австралии) (*Certain Phosphate Lands in Nauru*) (*Nauru v. Australia*) (предварительные возражения) *I.C.J. Reports* 1992, р. 240, 259–262, §§ 50–55, Постановление Международного суда ООН по делу «О вооруженных действиях на территории Конго» (Демократическая Республика Конго против Уганды) (*Armed Activities on the Territory of the Congo*) (*Democratic Republic of the Congo v. Uganda*), *I.C.J. Reports* 2005, р. 168, 237–238, §§ 203–204).

173. Трибунал не считает, что Испания является обязательной стороной в настоящем деле. Как указано в § 167, спор, рассматриваемый трибуналом, касается прав и обязанностей Италии. Участие Испании в настоящем споре ограничивается исполнением запроса Италии об аресте торгового судна «Норстар» в соответствии со Страсбургской конвенцией 1959 года. Соответственно, именно правовые интересы Италии, а не Испании составляют предмет решения, которое будет вынесено трибуналом по существу жалобы Панамы. Решение трибунала о юрисдикции и приемлемости жалобы не требует предварительного определения прав и обязанностей Испании. Таким образом, отсутствует необходимость, а тем более обязанность, участия Испании в настоящем производстве по делу в трибунале в целях установления того, нарушила ли Италия положения Конвенции».

53. Аналогичная ситуация возникла при рассмотрении упомянутого выше Постановления Европейского Суда по делу «Василичук против Республики Молдова» (*Vasiliciuc v. Republic of Moldova*) (§ 23). В Постановлении по указанному делу Европейский Суд признал, что содержание заявления под стражей в Греции (на основании международного ордера на арест, выданного Интерполом по запросу властей Республики Молдова в целях приведения в исполнение распоряжения о заключении под стражу) влечет за собой ответственность властей Республики Молдова в соответствии со статьей 5 Конвенции:

«...в контексте процедуры выдачи запрашиваемое государство должно иметь возможность исходить из презумпции действительности правовых документов, выданных запрашивающим государством, на основании которых запрашивается лишение свободы... Соответственно, оспариваемое заявителем действие, инициированное властями Республики Молдова на основании своего внутреннего законодательства и осуществленное властями Греции в рамках ее международных обязательств, должно быть приписано властям Республики Молдова, несмотря на то, что такое действие было совершено в Греции (см. Постановление Европейского Суда по делу

«Стефенс против Мальты (№ 1)» (*Stephens v. Malta*) (№ 1) от 21 апреля 2009 г., жалоба № 11956/07, §§ 50–54».

54. Кроме того, в настоящем контексте значимым представляется Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Авотиньш против Латвии» (*Avotins v. Latvia*) от 23 мая 2016 г., жалоба № 17502/07¹. В этом деле жалоба была направлена против исполняющего государства (Латвии) в связи с выдачей декларации о принудительном исполнении (предыдущего) решения властей Кипра, которое, по мнению заявителя, имело явные недостатки и было вынесено с нарушением его права на защиту, тем самым нарушив его право на справедливое судебное разбирательство в соответствии со статьей 6 Конвенции. Возможно, именно такое исполнительное производство имеют в виду большинство судей, когда в § 52 настоящего Постановления отмечают, что заявительница может обратиться в Европейский Суд с жалобой против властей Турции в связи с окончательным решением судов этой страны, которые приводят в исполнение постановление Кассационного суда Греции.

55. Хотя здесь не место для размышлений о перспективах благоприятного исхода подобной (будущей) жалобы, если она будет направлена в Европейский Суд, мы хотели бы отметить следующее. В деле «Авотиньш против Латвии» жалоба на инициирующее разбирательство (в Республике Кипр) была основана на несоблюдении процессуальных требований, предусмотренных статьей 6 Конвенции, которая применялась не только в равной степени в обоих государствах, но и как раз в отношении разбирательств, касающихся исполнения иностранных судебных решений (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Авотиньш против Латвии» (*Avotins v. Latvia*), § 96). В результате недостатки инициирующего разбирательства по сути были закреплены исполнением последующего судебного решения. Напротив, настоящее дело касается нарушения материального (а не процессуального) обязательства по Конвенции (статья 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции) в (достаточно конкретном) контексте обязательств властей Греции (в толковании Кассационного суда Греции) в отношении мусульманского меньшинства в соответствии с серией договоров Лиги Наций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

56. По вышеизложенным причинам мы полагаем, что Европейский Суд должен был рассмотреть вопрос о причинно-следственной связи прежде,

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 7 (примеч. редактора).

чем отклонить требование заявительницы в отношении имущества в Турции, которое являлось частью наследства, оставленного ей ее умершим супругом на основании его гражданского завещания. К сожалению, Европейский Суд в настоящем Постановлении не сделал этого, что придает основному Постановлению, вынесенному в пользу заявительницы, характер Пирровой победы.

57. Если бы указанный подход был принят, на основании имеющихся в настоящее время доказательств мы пришли бы к выводу о том, что существует достаточная причинно-следственная связь между, с одной стороны, решениями судов Турции об отказе заявительнице в наследстве по гражданскому завещанию ее умершего супруга, если бы решение суда первой инстанции было подтверждено в ясных выражениях окончательным решением судов Турции, и, с другой стороны, постановлением Кассационного суда Греции, которым гражданское завещание умершего супруга заявительницы было признано недействительным, постановлением, которое, как установил Европейский Суд, представляет собой нарушение ее прав в соответствии со статьей 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Таким образом, отказ судами Турции в наследстве должен рассматриваться как часть «ущерба», в связи с которым заявительница имеет право на справедливую компенсацию в виде возмещения материального ущерба.

58. Разумеется, после установления причинно-следственной связи по-прежнему будет необходимо рассмотреть такие вопросы, как количественная оценка данного требования и достаточность фактически бесспорных доказательств, подтверждающих требование заявительницы. Отсутствуют основания, по которым власти государства-ответчика могли бы правомерно утверждать, что ввиду нахождения соответствующего имущества на территории другого государства (или принятия решений судами другого государства) они не могли рассмотреть или были несправедливо ущемлены в возможности рассмотреть доказательства, относящиеся как к причинно-следственной связи, так и к количественной оценке. В действительности отсутствуют какие-либо основания (по крайней мере, они не были приведены), по которым власти государства-ответчика сами не могли представить необходимые доказательства, полученные через двусторонние правительственные каналы связи, по дипломатическим или консульским каналам или просто путем инструктирования своих собственных экспертов (или посредством сочетания двух или более из указанных способов), чтобы удовлетворить требование заявительницы в отношении причинно-следственной связи и/или количественной оценки. При этом по изложенным выше причинам мы не затрагиваем вопрос об осуществле-

нии властями государства-ответчика полномочий, суверенитета или юрисдикции, мы касаемся, главным образом, вопроса о (фактических) доказательствах (которые включают в себя доказательства, относящиеся к иностранному праву).

59. Может также возникнуть вопрос о том, можно ли считать, что заявительница не смогла минимизировать причиненный ей ущерб (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Баггетта против Италии» (*Baggetta v. Italy*) от 25 июня 1987 г., § 20, Series A, № 119, а также пункт 11 комментария к статье 31 Статей об ответственности о том, что «даже в полной мере безвинная жертва противоправного поведения должна действовать разумно, когда ей причинен вред. Хотя в данном отношении часто применяется выражение “обязанность смягчать”, это не является правовым обязательством, которое само по себе порождает ответственность»). Что касается последнего замечания, то в отсутствие какого-либо подробного изучения со стороны Европейского Суда (или сторон) и на основе имеющихся у нас доказательств мы приходим к выводу, что отсутствуют основания полагать, что заявительница каким-либо образом не исполнила свою «обязанность по смягчению последствий», чтобы оправдать уменьшение количественной оценки материального ущерба/компенсации, причитающейся ей. В конце концов, *inter alia*, из § 47 настоящего Постановления следует, что заявительница сама инициировала разбирательство в судах Турции, чтобы добиться признания завещания в той части, в которой оно относится к объектам недвижимости, находящимся в Турции. Это говорит о том, что она приняла разумные меры, чтобы добиться признания завещания в Турции, и, хотя в настоящее время производство по делу еще не завершено, заявительница продолжает стремиться к получению права собственности на данные объекты недвижимости в силу завещания и, соответственно, избежать связанного с этим материального ущерба.

60. Таким образом, чтобы привести в исполнение различные выводы, изложенные выше, мы бы обязали власти Греции выплатить компенсацию материального ущерба (в размере, подтвержденном доказательствами) в связи с последующими убытками, которые заявительница может понести в отношении имущества, находящегося в Турции, оставленного ей по завещанию ее умершего супруга, в зависимости от (или при условии) вынесения судами Турции окончательного решения, подтверждающего позицию Суда по гражданским делам первой инстанции района Бакыркёй. Хотя такое постановление может быть необычным для Европейского Суда, отсутствуют принципиальные причины, по которым оно не может быть вынесено.